

А. В. Антощенко

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ «ИСТОРИЗМА»: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ П. Г. ВИНОГРАДОВА

Восприятие XIX в. как века историзма (в западной традиции — историзма), явившегося реакцией на эксцессы Великой французской революции, идейно подготовленной веком Просвещения, стало общим местом в рассуждениях российских интеллектуалов конца позапрошлого столетия. Разделял эти представления и известный знаток всеобщей истории П. Г. Виноградов (1854—1925). В курсе лекций, прочитанных в 1898 г., он представил обобщенное видение развития стержневого понятия века — понятия «прогресс». Обобщая свое отношение к основным тенденциям развития философской мысли второй половины XVIII — XIX в., он представил собственное решение вопроса о содержании и условиях исторического процесса. Исходя из этих интеллектуальных посылок, историк интерпретировал всеобщую историю XIX в. Целью данной статьи является выявление основных принципов интеллектуальной культуры осмысления прошлого, которые задавались «историзмом» и имплицитно присутствовали в текстах П. Г. Виноградова, обобщающих историю XIX столетия.

Начало формирования современного отношения к определению смысла истории П. Г. Виноградов связывал с переходом от Средневековья к новой истории, заменившей «аскетическое мировоззрение, отнимавшее у жизни самостоятельный смысл, обращавшее ее в простую подготовку к чему-то другому, гуманистическим, сосредоточившим внимание на действительной жизни и природе людей и направляющимся указаниями их разума»¹. Рассматривая постановку и решение вопросов о ходе исторического развития представителями «просветительного, чувствительного и критического» направлений, историк сосредоточил свое внимание на творчестве Ж. Кондорсе, И. Г. Гердера и И. Канта. Критический анализ

их построений позволил ему выявить как сильные, так и слабые стороны концепции прогресса, присущие каждому из них и всем им вместе.

Если Ж. Кондорсе выдвигал на первый план в истории развитие разума и считал личное просвещение главной силой совершенствования человека, то И. Г. Гердер указал на культурно-нравственное развитие и значение воспитания, а И. Кант сосредоточил внимание на вероятном ходе политического совершенствования и отметил роль государства как «сознательного, разумного и в то же время правового, т. е. нравственного, организма» в обеспечении прогресса. Представляя их концепции как борьбу противоположных взглядов, каждому из которых присуща односторонность, П. Г. Виноградов отмечал, что в совокупности они дополняли друг друга, давая разносторонний взгляд на проблему. Однако недостатком ее решения с исторической точки зрения был априоризм и телеологизм их построений. П. Г. Виноградов замечал по этому поводу, что «все трое стоят на почве XVIII в., все трое чувствуют необходимость растолковать историю, еще не зная ее, все трое смотрят в будущее, даже когда утверждают, что наблюдают прошедшее, все трое чувствуют приближение великого переворота и веруют в его благодетельное влияние»².

Революционный опыт конца XVIII — начала XIX в. показал, по мнению П. Г. Виноградова, недостаточную обоснованность просветительной, критической, революционной философии, «которая резко протестовала против действительности во имя разума и мечтала исправить действительность при помощи разума». «Жизненность древних национальных, монархических, религиозных, даже сословных идеалов, необходимость подчиниться внешнему порядку, далеко не просветительному, а традиционному и сильному своими традициями», проявившиеся после Наполеоновских войн, потребовали создания синтетической философии Г. В. Ф. Гегеля, главной заслугой которого историк считал диалектику. Однако синтез на основе идеализма привел к тому, что диалектика действительности была заменена диалектикой мысли, а отношение к истории осталось по-прежнему априорным, при котором не укла-

дывавшиеся в заранее созданную схему исторические факты попросту игнорировались.

По закону диалектики, как замечал П. Г. Виноградов, эта крайность должна была вызвать противоположное движение мысли, что и отразилось в философском направлении второй половины XIX в., ставившем своей целью «точное изучение явлений», проникнутом «недоверием ко всякой метафизике» и складывавшемся «под влиянием методов и идей естествознания». Главным достижением этого направления, начало которому дали исследования по биологии Ч. Дарвина, а философское обобщение представили работы Г. Спенсера, стало утверждение исторического метода во взглядах на природу и окончательный разрыв с телеологизмом, что позволило рассматривать общественное развитие как эволюционный процесс приспособления к естественным условиям. Критикуя свойственный Г. Спенсеру схематизм в объяснении социальных явлений, при котором терялась специфика развития общества, П. Г. Виноградов вместе с тем считал возможным построение на основе эволюционизма научной теории прогресса, выводимой из изучения конкретного исторического материала³.

Собственное понимание исторического развития, опиравшееся на эволюционную формулу Г. Спенсера, П. Г. Виноградов выразил в последней лекции. Он исходил из органического видения истории, при котором общественные образования определялись как обособленные организмы. Складываясь на ранних этапах истории естественно, они затем приобретали характер «сознательных ассоциаций», преследующих «свои цели» и поддерживающих «свое существование во взаимодействии с окружающей средой»⁴. Однако из этого положения историк не выводил тождества естественных и общественных процессов. Их существенное отличие, по его мысли, заключалось в том, что общество составляли отдельные живые люди, обладающие самыми различными потребностями и способностями, физическими и духовными. Включенность индивидов в различные органические группировки приводила к тому, что в каждом из них перекрещивалось и комбинировалось «очень много отдельных эволюций», выразившихся в обществен-

ных отношениях. Изучение развития общественных отношений позволяло осуществить синтез этих эволюций.

Таким подходом определялась другая существенная черта видения общественного развития П. Г. Виноградовым — холизм, при котором общее не должно было разрушаться разнообразием частей. Об этом свидетельствовала и предложенная историком классификация общественных организмов. Он строил ее от частного к общему: общественные союзы, сознательно преследующие свои цели и обладающие общностью воли; общественные группы, наделенные сознанием своего обособления; антропологические типы, отличающиеся от других типов, но не имеющие ни общих целей и воли, ни коллективного сознания; наконец, общество «как совокупность всех кругов жизни, всех групп, так или иначе соединившихся в известной географической и исторической обстановке». Тем самым общество, несмотря на то, что П. Г. Виноградов определял его как понятие условное, являлось в его концепции исторической реальностью, которая существовала как целостность независимо от государства.

Рассматривая цели исторического процесса, П. Г. Виноградов исходил из признания возможности антагонизма между целями индивидов, составляющих ту или иную общность, и целями общества, что также отличало общественное развитие от естественного, где такого «дуализма» не могло быть. Для поддержания целостности общественного организма необходима была нравственная связь, основывающаяся на общественном сознании потребностей индивидов в свободе и благосостоянии, с одной стороны, и на «положительных результатах, которых личность будет достигать в союзе с целым и благодаря ему», с другой. Из этого логично вытекал вывод П. Г. Виноградова: «Обществу не чуждо, а напротив, в рождено все лучшее (разрядка наша. — А. А.), к чему может стремиться отдельный человек, и если последний может и должен ставить себе целью жизни достижение истины, разумность, справедливость, свободу, а не только удовлетворение своих непосредственных нужд и желаний, то в этой идейной работе призвано принять участие общество со всеми многообразными силами кооперации и сознательного устроения»⁵.

Понятно, что при таком взгляде сохранялся телеологический подход, корни которого, казалось бы, были вырваны вместе с априоризмом субъективного рационализма просветительской философии и объективного идеализма гегельянства, но прорастали в разумном совершенствовании реальных общественных отношений, предполагаемом позитивизмом. Это отчетливо показали рассуждения П. Г. Виноградова «о средствах, которыми достигаются цели органической жизни».

Важнейшими законами, которые следовало учитывать при определении этих средств, являлись закон взаимодействия с окружающей средой и закон эволюции внутренней организации, проявляющийся в дифференциации функций и структуры и интеграции частей общественного организма. Его неспособность к дальнейшему совершенствованию в целях приспособления к внешним условиям и для успешной борьбы с другими организмами могла привести к смерти. Однако многообразие социальных союзов, входящих в общество, обуславливало в социологических построениях П. Г. Виноградова тот факт, что «не может быть случая полного и окончательного уничтожения известного общества или распада его на первоначальные элементы — на отдельных людей». Регресс и разложение в одном отношении компенсировались прогрессом в других. Кроме того, он считал, что, несмотря на эволюционный характер отдельных процессов, в целом можно признать наследование достижений предшественников и говорить о «всемирно-исторической культуре и утверждать, что она бессмертна, поскольку, вообще, бессмертно человечество»⁶.

Таким образом, развитие общества не замыкалось в рамках отдельных государств, хотя прогресс всемирной культуры в Новейшее время ограничивался у П. Г. Виноградова прежде всего эволюцией европейского общества. Ведущую роль в социальном развитии играли коллективное сознание нужд и коллективное сознание права. Поэтому средства приспособления к окружающей действительности человечество могло найти лишь «в знании истины, в разумном понимании человеческих отношений, в воспитании людей и обществ к человечности и справедливости». Тем

самым на место априорно определяемых целей общественного развития ставились цели, которые определялись в результате научного изучения истории общества. Выведение понятия общества за рамки национально-государственных образований позволяло научно формулировать законы его развития и определять тенденции и направления изменений, которые должны в той или иной форме реализоваться в жизни всех народов. Понятно, что пути прогрессивного развития определялись теми из них, которые достигли наибольших успехов с точки зрения социального устройства.

Поскольку ведущую роль во всемирной истории на современном этапе играют европейские народы, и представление П. Г. Виноградова о прогрессе было европоцентристским. Уже в своей рецензии на книгу Л. И. Мечникова «Цивилизации и великие исторические реки»⁷ он критиковал известного русского географа за стремление построить периодизацию исторического процесса, которая позволила бы преодолеть «наивный эгоизм» европейских народов. Основанная на географическом факторе историческая схема Л. И. Мечникова, по мнению П. Г. Виноградова, страдала от упрощения, при котором не учитывались самые характерные явления всемирной истории, влияние христианства сводилось до значения местного факта, «качественный перевес европейской цивилизации» нивелировался «в угоду количественной массе азиатских культур»⁸. Еще более определенно европоцентризм представления о развитии человечества проявился в его публичной лекции «Накануне нового столетия». Сравнивая «культурную карту» человечества 1800 и 1900 гг., он делал вывод: «Таким образом повсюду, во всех частях света, XIX в. свидетельствует о *распространении европейского влияния и европейской культуры* (выделено автором. — А. А.)»⁹.

Новейшая история человечества, с точки зрения П. Г. Виноградова, характеризовалась противоречивыми тенденциями, которые, однако, не могли поставить под сомнение прогрессивный характер изменений общества. В материальной сфере он отмечал процессы, ведущие к замене «разрозненных, изолированных усилий людей их организованной деятельностью», что таило в себе

опасность механического объединения и подчинения интересов отдельной личности потребностям коллективной организации. Такая опасность усиливалась наращиванием военного и финансового могущества государств Европы, которое достигалось за счет чрезмерного напряжения сил подданных.

Однако противовесом этой тенденции к «машинообразной организации общества» служило духовное развитие. Прежде всего, считал П. Г. Виноградов, изменился взгляд на функции государства, которое в современных условиях стало содействовать развитию общественного самоуправления и решению социальных проблем в духе справедливости и гуманности. Не только помощь народу распространением правосудия и милосердия, но и содействие подъему его нравственного уровня стали важнейшими задачами правительств европейских государств. Главным средством нравственного совершенствования историк считал распространение образования среди народа.

Надежной основой для уравнивающего взаимовлияния экономического роста и успехов сознательности общества являлась наука. Деятнадцатый век, по мнению историка, прошел под влиянием двух основных научных идей — идеи закона и идеи развития. Поиск и открытие законов природы приобретали нравственное значение, потому что их знание позволяло противодействовать негативному влиянию природных сил или использовать их во благо человека. Ту же роль играла применительно к обществу идея развития, которая охватывала «две стороны *исторического процесса* (здесь и далее в цитате выделено автором. — А. А.): его *преemptивность*, постоянную зависимость всего, что существует в настоящее время, от прошлого, из которого оно вышло, и *изменчивость* — постоянное движение к разрешению новых задач и применение к новым условиям»¹⁰. Поэтому он с уверенностью заключал, что прошедший век был ознаменован не только материальным, но и умственным, и нравственным прогрессом.

Если при подведении итогов столетия в публичной лекции П. Г. Виноградов определял взаимоотношение общих тенденций

материального и духовного развития общества, то в специальной статье для «Истории XIX в.» Лависса и Рамбо он детализировал свое видение важнейших политических, социальных и культурных изменений, которые были намечены ушедшим веком и должны были получить дальнейшее развитие в веке двадцатом. Такими главными переменами в XIX в. были «демократизация политического строя, развитие личного начала во всех областях жизни, искание социальной справедливости и переворот в мирозерцании под влиянием детерминизма»¹¹.

Развитие демократии вытесняло аристократические формы государственной жизни, что обуславливалось как проявившейся неспособностью к управлению и своекорыстием аристократии, так и распространением образования и политического сознания в широких кругах населения. Показателем демократических процессов стало соотношение «выборной системы и независимых от народного избрания властей». Историк отмечал различия в степени демократизации в передовых странах: во Франции и США утвердилось всеобщее избирательное право, в Англии, несмотря на демократизацию избирательной системы в XIX в., активными гражданами являлись главным образом самостоятельные домохозяева, в Германии наряду со всеобщей подачей голосов сохранялись «классовые выборы» в Пруссии. Однако развитие демократии не отменяло значения «экспертов», обладающих специальными и необходимыми для управления знаниями и качествами: во Франции это была сохраняющая корпоративность бюрократия, в Америке проявлением особой роли управляющих являлось наделение широкими полномочиями избираемых на продолжительные сроки должностных лиц, в Англии также усилилось в конце века влияние должностной группы (*civil service*).

Считая демократизацию управления обществом исторической необходимостью, П. Г. Виноградов подчеркивал, что не является апологетом этой тенденции. Он отчетливо видел недостатки демократии, которые проявлялись в деспотических наклонностях большинства, в «механической фабрикации общественного мнения и соответствующего упадка действительного гражданского

духа», в умелой организации партий с беззастенчивым применением всех средств, способных принести победу на выборах, в использовании политики в корыстных целях и т. д. Освобождение личности от старых форм принуждения способно было порождать нигилизм, что проявилось не только в России, но и, в не столь резких формах, в других европейских странах, прежде всего во Франции. Использование в Англии и Германии «почти деспотического давления» отживших свое старых норм общественных условностей, «настаивающих на соблюдении известных правил ради их социально-дисциплинирующего значения», хотя и приносило свои результаты, но не вызывало симпатии П. Г. Виноградова. Его больше привлекал опыт развития образования — особенно начального и среднего — в США, с которым он мог познакомиться непосредственно, т. к. очерк писался во время первой поездки историка за океан в 1907 г. Именно воспитанию, направленному на нравственное совершенствование граждан и формирование их политических идеалов, Павел Гаврилович отдавал предпочтение перед «техническими средствами» противодействия недостаткам демократии, которые выдвигались известными политологами и которые он также считал необходимыми.

Другой характерной тенденцией XIX в. было «освобождение человеческой личности от притеснений, совершаемых во имясловия, национальности, вероисповедания и пола». Освобождение от сословного гнета проявилось в уничтожении крепостничества в европейских странах и рабства в Америке. Причем П. Г. Виноградов особо отмечал заслугу российского правительства в освобождении крестьян с землей, в то время как в США освобождение негров ограничилось лишь признанием их юридического полноправия. Правда, в области национальных отношений Россия оказывалась позади передовых стран, сохраняя гражданское неравенство прежде всего евреев.

Установление равенства всех граждан независимо от национальной принадлежности виделось П. Г. Виноградову как необходимое условие решения национальных проблем. Однако относительно удовлетворения национальных требований, касающихся политического строя, он был более сдержан, считая, что

в этом вопросе «не может быть никакого общего принципа, кроме желательности возможно широкого развития форм областного самоуправления, насколько они не грозят безопасности и силе заинтересованных государств»¹². Главными средствами достижения свободы вероисповедания, как показывал опыт передовых стран, было отделение церкви от государства, которое должно проводиться с большим тактом по отношению к верующим и их организациям, и признание равноправности всех конфессий. Наконец, в уравнении женщин и мужчин в гражданском отношении также были сделаны значительные шаги по пути прогресса, прежде всего в развитии женского образования, признании их имущественных прав, а также некоторых прав в политической сфере.

Особое внимание П. Г. Виноградов уделил «падению различных экономических ограничений». Однако свобода предпринимательства, сопровождавшаяся бурным ростом машиностроения, была чревата негативными последствиями, характерными для капиталистического производства. Возвращаясь к своей мысли о том, что «сосредоточение капиталов для массовых операций современного прогрессивного хозяйства подавляет отдельную личность и включает ее как бы частью в капиталистическую машину», историк теперь указывал еще и на политические следствия этого процесса — развитие социалистического движения. Отнюдь не симпатизируя крайностям этого движения, которое лишает человека его самостоятельности и закрепляет его «частичность», порождаемую капитализмом, он признавал историческую неизбежность его усиления. Поэтому делом «мудрой политики и здравого гражданского чувства» он называл проведение реформ, которые бы не являлись уступками «по линии сильнейшего давления», а направляли «силы социальной эволюции к разумным целям». Примером в данном отношении могла опять же служить Англия, где, с одной стороны, в результате государственного вмешательства была создана фабричная инспекция, улучшались условия найма рабочих, сокращался рабочий день, с другой — вследствие активной деятельности профессиональных союзов утверждалось мнение о возможности мирными средствами решать конфликты между предпринимателями и наемными работниками.

Отмечая, что в XX в. предстоит огромная работа по разрешению социальных задач, П. Г. Виноградов считал наиболее трудной из них задачу установления «равновесия между правами и обязанностями граждан в социализированном государстве». Социальное реформирование, по его мнению, должно было осуществляться государством таким образом, чтобы, не отказываясь ни от частной собственности, ни от принципа личной предприимчивости, обеспечивать своеобразное страхование против вредных последствий индивидуализма в экономике¹³.

Наконец, в заключительной части очерка П. Г. Виноградов характеризовал «переворот в культурной сфере». Показательно, что при его определении явно выразился телеологизм исторических взглядов ученого, который в скрытой форме уже присутствовал в его философских рассуждениях о средствах общественного прогресса. Сутью культурного переворота он считал замену провиденциализма детерминизмом, т. е. замену веры в руководство Провидением человеческими делами верой в действие естественных и общественных законов. «Идея Божества и Логоса — смысла жизни, — писал П. Г. Виноградов, — должна проявляться не в провиденциальном руководстве, а в законном развитии»¹⁴.

Таким образом, основными элементами парадигмы «историзма» у Виноградова выступали органицизм и холизм, эволюционизм и телеологизм, определявшие евроцентричное видение всеобщей истории как прогрессивного процесса. Порожденный XIX в. историзм стал его своеобразным оправданием. Призванный заменить просветительскую интеллектуальную культуру представления исторического прошлого, он предполагал реформаторское преобразование общества и оказался непригодным для объяснения революционных потрясений в России начала XX в. Рождавшаяся в крови и насилии новая эпоха требовала иной интеллектуальной культуры, что заставило П. Г. Виноградова постепенно и не всегда до конца осознанно менять свои представления о ходе истории.

¹ Виноградов П. Г. О прогрессе. М., 1898. С. 3.

² Там же. С. 22.

³ Примерно через пять лет, вскоре после появления сборника статей «Вопросы идеализма», авторы которого критиковали позитивизм, П. Г. Виноградов в письме В. И. Вернадскому вновь подтвердил неизменность своего отношения к позитивизму. Отмечая бесперспективность попытки позитивизма «построить всеобщую философскую доктрину», он подчеркивал, что не склонен считать себя «позитивистом в смысле миллевском или спенсеровском, а тем менее контовском». Однако П. Г. Виноградов не соглашался с упреком в том, что «позитивизм будто бы ведет к индифферентизму и компромиссам». Возражая, он отмечал: «Именно в эпоху господства позитивизма, эмпиризма и материализма у нас, да и в других местах, выдвигались весьма настоятельно и последовательно освободительные тенденции, и среди позитивистов немало людей, которые доказали свою способность не примиряться с нравственным и социальным злом. Теоретически также оппортунизм из позитивизма не вытекает, пот[ому] что положительное знание заставляет считаться не только с наследием старых грехов, но и с запросами настоящего и будущего, а доктрина эволюционизма менее всего соответствует сидению на месте» (см.: Письма П. Г. Виноградова В. И. Вернадскому от 26 декабря 1902 г. и от 16 марта 1903 г. // Ист. архив. 2002. № 2. С. 134, 136).

⁴ *Виноградов П. Г.* О прогрессе... С. 44. Ср. с анализом Д. А. Гутнова в его статье: *Гутнов Д. А.* Об исторической школе Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1993. № 3. С. 43. Следует не только согласиться с выводом автора о близости в 1880—1890-е гг. методологических позиций П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского, признанных основателями московской исторической школы, но и отметить общность эволюции их взглядов к неокантианству. Правда, у В. О. Ключевского она прошла быстрее.

⁵ *Виноградов П. Г.* О прогрессе... С. 50.

⁶ Данное положение было скрытой полемикой с Н. Я. Данилевским, работу которого «Россия и Европа» П. Г. Виноградов знал, но никогда не критиковал открыто.

⁷ См.: *Виноградов П. Г.* [Рецензия] Влияние рек на происхождение цивилизации // Север. вестн. 1892. № 6, отд. 1. С. 33—44.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ *Виноградов П. Г.* Накануне нового столетия. М., 1902. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ *Виноградов П. Г.* Итоги XIX в. // История XIX в.: Западная Европа и внеевропейские государства / Под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. Т. 8. М., 1907. С. 248.

¹² Там же. С. 258.

¹³ См.: Там же. С. 267.

¹⁴ Там же. С. 269.